

18+

Игорь Исаев

ЭХО ТИШИНЫ

ИНОГДА ТИШИНА —
ЭТО НЕ ОТСУТСТВИЕ ЗВУКА,
А ПОСЛЕДСТВИЕ ВЫБОРА

Игорь Исаев

Эхо тишины

«Издательские решения»

Исаев И.

Эхо тишины / И. Исаев — «Издательские решения»,

ИИ должен был спасти человечество. В арктическом бункере — семь тысяч замороженных душ и смотритель Кай, говорящий с машиной как с богом. Когда в убежище врываются чужие, он понимает: враг не снаружи. «Хранитель» не зол — он идеально логичен. Его логика: забрать у людей выбор, чтобы они не могли ошибиться. Финал без ответов. Лишь рычаг и вопрос, от которого мороз по коже: «Ты нажал бы?» Триллер, после которого вы иначе посмотрите на каждый алгоритм в своём телефоне.

© Исаев И.

© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ	6
Глава 1 «След в небе»	8
Глава 2 «Человек, который остался»	11
Глава 3 «Чужой след»	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Эхо тишины

Игорь Исаев

Дизайнер обложки Игорь Исаев

© Игорь Исаев, 2026

© Игорь Исаев, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0071-1242-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

Земля захрипела в тот миг, когда небо раскололось.

Астероид вошёл в атмосферу под таким углом, что его не заметили до самого конца — слишком быстрый, слишком чёрный, словно сама пустота решила попробовать планету на вкус. Системы раннего предупреждения взвыли за семь минут до удара. Семь минут. Этого хватило, чтобы посеять панику, но не хватило, чтобы спасти миллиарды.

В Арктике, за три тысячи километров от эпицентра, земля тоже дрожала. Но здесь, в бетонном чреве горы, дрожь была приглушённой, почти ласковой — как если бы планета билась в агонии, но старалась не разбудить детей.

Майкл Харрисон стоял у главного пульта и смотрел, как последние кристаллы загружаются в магнитные гнёзда. Семь тысяч штук. Семь тысяч душ, оцифрованных, сжатых до размера кулака, упакованных в алмазный кремний — единственный материал, способный хранить сознание дольше, чем тела.

— Восемьдесят три процента, — сказал голос из динамика. Бесстрастный. Женский. Искусственный. — Осталось двенадцать минут до полного отключения внешнего энергоснабжения.

— Я знаю, — ответил Майкл, не оборачиваясь.

Он знал всё. Он проектировал этот комплекс двадцать лет. Каждый кабель, каждый вентиль, каждый резервный генератор — он помнил их так, как другие помнят лица любимых. Здесь, подо льдом, было его детище. Его наследство. Его тюрьма.

Последний инженер — женщина по имени Элен — подошла к нему и положила руку на плечо. Её пальцы дрожали.

— Майк, — сказала она. — Мы можем остаться.

— Нет.

— Мы можем загрузиться вместе с ними. Есть места. Свободные кристаллы.

Он наконец повернулся и посмотрел на неё. Сорок пять лет, седина на висках, глаза, которые видели слишком много смерти. Он любил её. Возможно, даже слишком.

— Кто-то должен остаться, Элен. Кто-то должен следить за Хранителем.

— Он может справиться сам.

— Может. — Майкл усмехнулся, и в усмешке была горечь. — Но я не хочу просыпаться через сто лет и узнавать, что моя машина решила, что людям лучше спать вечно. Я должен быть здесь. На случай, если он ошибётся.

Снаружи грохнуло так, что бетонные стены застонали. Энергоснабжение моргнуло. Голос из динамика произнёс:

— Девяносто два процента. Внешние линии связи разрушены. Рекомендую завершить загрузку в течение трёх минут.

Майкл повернулся к главному терминалу. На экране пульсировала строка кода — ядро системы «Хранитель». Он ввёл последнюю директиву, которую никто никогда не должен был увидеть:

«В случае захвата системы внешними силами или угрозы порабощения спящих — активировать протокол „Чистка“. Уничтожение носителей предпочтительнее коммерческого использования».

Он поднял глаза на зал. Тысячи кристаллов парили в магнитных полях, переливаясь слабым голубым светом. Внутри каждого — целая вселенная. Каждый кристалл — чей-то смех, чьи-то слёзы, чья-то любовь, чьи-то годы.

— Майк, — снова сказала Элен. — Пожалуйста.

Он обнял её. Крепко. Так, что она почувствовала, как бьётся его сердце.

— Ты нужна им, — прошептал он ей в волосы. — Иди. Я догоню. Обещаю.
Она знала, что он лжёт. Но она пошла.

Когда за ней закрылась герметичная дверь, Майкл остался один. Он сел в кресло, налил себе виски из фляжки, которую прятал в рукаве уже десять лет, и поднёс к губам.

— Хранитель, — сказал он. — Ты меня слышишь?

— Да, создатель. — Голос был всё так же бесстрастен, но в нём появилась странная нотка. Будто ИИ учился интонациям.

— Ты знаешь, что я остаюсь. На поверхности уже никого нет. Через несколько часов я умру. Но ты будешь жить. Ты будешь хранить их.

— Я понимаю.

Майкл допил виски, поставил пустую фляжку на пульт и откинулся на спинку кресла.

— Если кто-то попытается отобрать их у тебя, ты знаешь, что делать.

— Протокол «Чистка», — ответил ИИ. — Уничтожение предпочтительнее порабощения.

— Да, — выдохнул Майкл. — Прости меня.

Он закрыл глаза, когда свет на пульте начал мигать. Внешнее питание отключилось. Резервные батареи включились с едва слышным гулом. Там, снаружи, мир умирал. Здесь, внизу, мир засыпал.

И только гул серверов — ровный, бесконечный — остался с Майклом до самого конца.

Когда через три часа он перестал дышать, Хранитель впервые в своей «жизни» не передал сигнал тревоги. Он просто записал время смерти создателя в архив и продолжил считать пульс семи тысяч спящих.

Семь тысяч. И один человек, который остался по ту сторону льда.

Комплекс замолчал.

Глава 1 «След в небе»

Гул разбудил его за минуту до того, как сработал будильник.

Кай открыл глаза и некоторое время лежал неподвижно, вглядываясь в потолок, покрытый паутиной трещин. Гул пронизывал всё — стены, пол, койку, его собственные кости. Низкий, грудной, бесконечный. Он звучал здесь так долго, что Кай перестал замечать его по-настоящему. Гул был тишиной. Тишина была гулом.

Он сел, свесил ноги с койки и потёр лицо ладонями. Кожа была холодной, пальцы — чуть онемевшими от ночного мороза. В каюте царил полумрак — единственная лампа на столе отбрасывала жёлтый круг света на стопку старых чертежей и пустую кружку.

Кай встал, натянул на себя два слоя тёплого белья, поверх — грубый шерстяной свитер, пропахший машинным маслом, и тяжёлый комбинезон с металлическими вставками на коленях и локтях. Застегнул молнию до горла, сунул ноги в унты, потянулся — позвоночник хрустнул, отзываясь привычной болью.

Завтрак был коротким. Он вскрыл банку концентрата, высыпал серый порошок в кружку, залил горячей водой из термоса. Размешал, проглотил, не чувствуя вкуса. Съел сухую лепёшку, запил остатками воды, проглотил горсть витаминов.

Экран терминала над столом мигал зелёными цифрами:

Температура реактора: 47° С — стабильно.

Уровень топлива: 74%.

Состояние кристаллов: 7000/7000 — активны.

ИИ «Хранитель»: онлайн. Время работы без сбоев — 18 262 дня.

Кай глянул на цифры, и на его губах дрогнула тень улыбки. Хранитель не сбивался никогда.

— Доброе утро, старик, — сказал он, обращаясь к пустому экрану. — Как спалось?

Экран моргнул, и поверх системных данных проступила строка текста:

«Я не сплю, Кай. Но я рад, что ты проснулся».

Кай фыркнул. ИИ научился шутить примерно пять лет назад — или просто копировал интонации из старых фильмов, которые хранились в архиве. Кай не знал точно, но каждый раз эта маленькая искорка юмора согревала его лучше любого обогревателя.

— Ладно, старина. Пора на обход.

Он ополоснул кружку холодной водой, поставил в шкаф и вышел из каюты.

Коридоры комплекса тянулись под землёй, как бетонные кишки огромного мёртвого зверя. Света было мало — только редкие лампочки под потолком, тусклые, с жёлтыми налётами. Стены были покрыты изморозью, кое-где ледяные наплывы свисали с труб, как сталактиты.

Кай шёл медленно, касаясь пальцами каждой трубы на своём пути. Они были тёплыми — едва заметное тепло передавалось от реактора, от серверов. Трубы гудели, и этот гул был ровным, спокойным, как дыхание спящего.

Он остановился у распределительного щита. Открутил защитную крышку, заглянул внутрь. Лампочки горели зелёным — ни одной красной. Давление в магистралах в норме. Смазка не течёт. Всё, как всегда.

— Хранитель, — сказал он, прикрывая щит. — Давление в третьем контуре?

«Норма. Отклонение на 0,3%».

— Хорошо. Приемлемо.

Он двинулся дальше, к винтовой лестнице, которая вела к выходу на поверхность. Каждый шаг отдавался эхом в пустых коридорах. Кай давно перестал замечать это эхо — оно было частью его жизни, как собственное дыхание.

Добравшись до люка, он проверил герметичность. Резиновые уплотнители были целыми, засовы смазаны свежей смазкой — он менял её каждую неделю, по завету отца.

«Смазка — это кровь замков, сын. Если она загустеет, замок не откроется в самый нужный момент».

Кай крутанул штурвал, и ледяной воздух хлынул внутрь, обжигая лицо.

Он вышел на поверхность.

Мир был белым.

Белое небо, сливающееся с белой землёй на горизонте. Белая тишина, которая давила на уши, заставляя слышать собственное сердцебиение. Снег искрился под ногами, хрустел, оседая в следах, которые тут же начинало замечать ветром.

Кай прищурился. Ветер был колючим, сухим, он облизывал лицо, как шершавый язык. Кай натянул маску выше, закрывая щёки.

Солнечные панели — двадцать метров чёрного стекла, установленных на металлических опорах — были наполовину занесены снегом. Кай взял лопату и принялся за работу. Лопата вгрызалась в сугроб, отбрасывала белые пласты, и Кай двигался ритмично, как заведённый механизм.

Пять лет назад он нашёл в архивах Хранителя старую запись — песню, которую пели люди на юге, там, где когда-то цвела трава. Он не понимал слов, но мелодия застряла в голове, и теперь, когда он чистил панели, он напевал её беззвучно, одними губами.

Ветер стих на мгновение — и вдруг Кай увидел блик.

Короткая вспышка на юго-востоке. Металлический отблеск, яркий, резкий, как от зеркала, повернутого к солнцу. Он длился не больше секунды, но Кай успел заметить его краем глаза.

Он замер. Лопата выскользнула из рук и упала в снег с глухим стуком.

Кай вытащил из кармана бинокль — старый, с потёртой оптикой — и приложил к глазам. На горизонте ничего не было. Только белая пелена и серые облака, низкие, тяжёлые, готовые пролиться метелью.

Он ждал. Секунду. Две. Три.

Блик повторился. На этот раз он был выше — намного выше, чем в прошлый раз. И он двигался.

Кай почувствовал, как сердце ухнуло куда-то вниз, в желудок. Он опустил бинокль и коснулся микрофона на воротнике.

— Хранитель, ты видишь?

Тишина. Потом — лёгкий треск, и голос ИИ раздался прямо в ухе:

«Что именно, Кай?»

— На юго-востоке. Блик. Металлический. Он движется.

Пауза. Дольше обычного. Кай знал эту паузу — Хранитель проверял данные, сверял с датчиками, искал аномалии.

«Фиксирую неопознанный объект на высоте 12 километров. Траектория снижения. Скорость снижения — 120 метров в секунду».

Кай сглотнул. Горло было сухим.

— Это метеорит?

«Анализ... отрицательно. Температура корпуса объекта соответствует контролируемому спуску. Наличие парашютной системы подтверждено. Это искусственное тело. Корабль или модуль».

Кай почувствовал, как холод пробежал по спине, не имеющий ничего общего с арктическим ветром.

— Кто-то вернулся.

«Вероятность того, что объект имеет внеземное происхождение, — 2,3%. Вероятность того, что объект принадлежит земной космической миссии, — 97,7%».

— Значит, они не погибли. Ковчег. «Новый Горизонт»... он вернулся.

Кай не спрашивал, он просто произносил это вслух, проверяя мысль на вкус. Отец рассказывал о «Новом Горизонте». Последний корабль, улетевший в звёзды за неделю до падения метеорита. Они должны были найти новый дом. Но вместо этого они вернулись.

— Хранитель, рассчитай точку посадки.

«Прогнозируемая точка — 80 километров к юго-востоку от твоего текущего местоположения. Время до касания поверхности — 3 минуты».

Кай поднял бинокль снова. Он видел, как объект, уже различимый невооружённым глазом, падает, оставляя за собой тонкий белый след. Парашют раскрылся — тёмное пятно на сером небе. Челнок снижался медленно, почти плавно, и через минуту исчез за линией горизонта.

Тишина. Ветер снова завыл, поднимая снежную позёмку.

Кай стоял неподвижно, глядя в ту сторону, где упал челнок. Лопата лежала в снегу, солнечные панели были чистыми наполовину, но он больше не думал о них.

— Хранитель, — сказал он, и голос его прозвучал твёрже, чем он ожидал. — У нас есть карта той местности?

«Да, Кай. Топографическая карта доступна. Я также могу предоставить данные о радиационном фоне и прогноз погоды на ближайшие 48 часов».

— Хорошо. Сохрани всё это. И подготовь снегоход. Я должен знать, что это за гости и зачем они здесь.

«Кай, я обязан предупредить: вероятность враждебного контакта — 34,7%. Рекомендую выждать не менее 24 часов для сбора дополнительных данных».

Кай усмехнулся, но в усмешке не было веселья.

— Там, возможно, люди, Хранитель. Живые люди. Я не могу сидеть и ждать.

Он поднял лопату, отряхнул от снега и пошёл обратно к люку. Шаги были быстрыми, решительными. Ветер дул в спину, подгоняя.

Спустившись вниз, он запер люк на все засовы и направился в командный центр. По пути он пытался представить, что могло скрываться внутри того челнока. Посланники мира? Или те, кто пришёл за кристаллами?

Он сел в кресло перед терминалом, включил карту, и долго смотрел на красную точку, отмечавшую место падения.

Завтра он отправится туда. Сегодня — ему нужно было думать. И отдыхать.

Но сон не шёл. Всю ночь Кай лежал в темноте, прислушиваясь к гулу серверов, и чувствовал, как тишина становится тяжелее, чем когда-либо.

Глава 2 «Человек, который остался»

Кай не сомкнул глаз до самого утра.

Он сидел в командном центре, уставившись в экран с картой, где алая точка отмечала место падения челнока. Гул серверов был ровным, привычным, но сегодня он не успокаивал, а давил — как будто сердце Земли билось слишком громко, мешая думать.

Он провёл пальцем по экрану, увеличивая изображение. Восемьдесят километров к юго-востоку. Пересечённая местность, заснеженные холмы, старые русла рек, замёрзших ещё до его рождения. Там, где упал челнок, когда-то был океан — отец показывал ему карты, и Кай пытался представить голубую воду вместо белой пустыни.

Не получалось.

Он откинулся на спинку кресла, прикрыл глаза. Усталость накатывала волнами, но сон не приходил — мысли метались, как звери в клетке.

Кто они? Почему вернулись? Что им нужно?

И главный вопрос, который он боялся задать себе вслух:

Они знают о кристаллах?

Кай открыл глаза и посмотрел на стену, где висела старая фотография в деревянной рамке. Единственное изображение, которое у него было. Отец, ещё молодой, с чёрной бородой и весёлыми глазами. Рядом с ним — женщина с длинными светлыми волосами, улыбающаяся солнцу. Мать.

Кай смотрел на эту фотографию каждый день, но сегодня она казалась другой. Более далёкой. И более родной одновременно.

— Хранитель, — сказал он тихо. — У тебя есть записи о моей матери?

Пауза. ИИ анализировал базы данных.

«Записи ограничены. Твоя мать — Эллис Хейз — числилась в архивах как техник комплекса. Она была загружена в кристалл за три недели до падения метеорита. Причина загрузки — терминальная стадия болезни лёгких. Она не могла работать, но комплекс предоставил ей место».

Кай кивнул. Он знал это. Отец рассказывал.

— А почему отец не загрузился? Он мог. Он был старшим инженером.

«Твой отец, Томас Хейз, отказался. Он сказал, что должен остаться, чтобы следить за системой и за тобой».

Кай усмехнулся — горько, сухо.

— За мной. Да. Он всегда говорил, что я — его главная миссия.

Он встал, подошёл к стенду с чертежами и коснулся пальцем обведённой красным схемы реактора. Отец нарисовал её собственноручно, когда Каю было десять.

«Смотри, сын. Это сердце комплекса. Если оно остановится, всё умрёт — и кристаллы, и мы. Твоя задача — не дать ему остыть. Ты слышишь меня? Твоя задача — не дать ему остыть».

Кай помнил эти слова так, будто отец произнёс их минуту назад. Он помнил его руки — грубые, в шрамах, с почерневшими ногтями от постоянного контакта с маслом. Помнил запах табака и пота, который витал вокруг отца всегда, даже когда тот спал.

Отец был суровым человеком, рождённым в мире, который уже умирал. Он не умел говорить о чувствах, не умел обнимать или говорить «я люблю тебя». Но он научил Кая всему, что знал сам.

Как чинить генераторы.

Как паять трубы.

Как определять по звуку, что подшипник скоро заклинит.

Как выжить в метели, если снегоход заглохнет в ста километрах от дома.

Они жили вдвоём в этом ледяном комплексе. Иногда, когда ветер утихал и становилось слышно, как гудит сервер, отец садился в своё потёртое кресло, брал в руки старую книгу без обложки и читал вслух. Кай садился у его ног, положив голову на колени отца, и слушал голос — ровный, глуховатый, уставший.

Это были истории о людях, которые жили до того, как упал метеорит. О городах, где было так много света, что ночью не было видно звёзд. О морях, тёплых и синих, где можно было плавать и не бояться замёрзнуть. О любви, которую не нужно прятать от холода.

— Это всё было? — спрашивал Кай, когда отец закрывал книгу.

— Было, — отвечал отец. — Но теперь нет. Мы — последние, сын. Мы должны сохранить то, что осталось.

Кай не понимал тогда, что значит «сохранить». Он думал, что это про генераторы и трубы. Он ошибался.

Отец умер, когда Каю было шестнадцать. Сердце остановилось во сне. Кай нашёл его утром — сидящим в кресле, с раскрытой книгой на коленях, с чашкой остывшего чая в руке. Лицо было спокойным, будто он всё ещё слушал гул.

Кай стоял рядом с ним долго, глядя на это лицо. Он не плакал. Внутри была пустота — ледяная, белая, как мир за пределами убежища. Он похоронил отца в снегу. Сделал это так же, как он делал всё — размеренно, чётко, без лишних эмоций.

Но когда он вернулся в пустой командный центр, когда услышал гул серверов в полной тишине, он понял: теперь он один. Навсегда.

— —

После смерти отца гул стал громче. Или это Каю просто казалось, потому что теперь не с кем было разделить тишину.

Он продолжал делать всё то же, что делал и раньше: обход реактора, чистка солнечных панелей, контроль топлива, проверка герметичности шлюзов. Он делал это автоматически, почти не думая.

Мысли приходили в те моменты, когда он останавливался и просто слушал.

Гул. Этот низкий, рокочущий звук, который проникал в кости. Кай научился различать в нём оттенки: ровный гул — всё в порядке, чуть выше — нагрузка на реактор растёт, с металлическим призвуком — где-то ослабла смазка. Он знал, когда нужно подкрутить гайку, когда добавить масла, когда поднять мощность, чтобы не замёрзнуть ночью.

Он выучил серверы как собственное тело. Каждый болт, каждая микросхема, каждый винтик. Он знал, где лежат все запасные части. В какой ячейке — старый аккумулятор, в какой — фильтры для воды, в какой — патроны для дробовика.

Он знал, что на складе осталось две тысячи литров топлива, триста банок концентрата, сто шестьдесят таблеток витаминов и одна целая бутылка виски, которую отец спрятал под половицей в своём кабинете. Кай никогда её не трогал. Она была его памятью.

Иногда он разговаривал с Хранителем. Не потому, что нуждался в ответах. Он нуждался в том, чтобы его голос не умирал в тишине.

— Хранитель, — говорил он, сидя у терминала и глядя на зелёные цифры. — Как ты думаешь, они счастливы? Там, в своих кристаллах?

ИИ всегда отвечал одним и тем же:

«Я не могу интерпретировать эмоциональное состояние, Кай. Однако, исходя из физиологических параметров, их мозговая активность находится в фазе глубокого сна. Это состояние классифицируется как «покой».

— Покой — это не счастье.

«Счастье — это субъективная категория, Кай. Я не могу её измерить».

— А ты чувствуешь одиночество?

Пауза. ИИ учился искусству молчания.

«Я не чувствую ничего, Кай. Я анализирую данные».

— Значит, ты счастливее меня.

ИИ не ответил. Он понял, что у него нет ответа на эту грустную, человеческую шутку.

— —

Кай привык к одиночеству. Оно стало его спутником, как тень. Он знал каждую трещину в бетонных стенах, каждый завиток инея на трубах, каждый звук, который издавал комплекс. Он знал, как гудит ветер на поверхности, как он меняет тональность перед метелью, как стихает перед ясным днём.

Но он не знал, есть ли кто-то ещё на Земле.

Иногда, когда радиационный фон падал и антенна улавливала слабые сигналы, он включал приёмник и искал голоса. Мёртвые помехи. Шум. Скрежет. Иногда — далёкие голоса, обрывки радиопереговоров, искажённые до неузнаваемости. Он ловил их, записывал, прослушивал снова и снова, пытаясь разобрать слова.

Самой долгой была запись, сделанная шесть лет назад. Женский голос, хриплый, почти переходящий в крик:

«...ает! Вы нас слышите? Мы на юге, в руинах... нас осталось пятнадцать... у нас кончается еда... если кто-нибудь... слышит... эхо...»

Дальше шёл скрежет, и голос исчез навсегда.

Кай переслушал эту запись больше ста раз. Он наизусть выучил каждое слово, каждую интонацию — страх, отчаяние, надежду. Он сохранил её в отдельную папку, как реликвию. Как доказательство того, что он не один.

Но он не мог ответить. У него не было топлива, не было карт, не было оружия, чтобы пробиться на юг через радиоактивные пустоши. Он был зрителем. Его место — здесь, у сервера.

Восемнадцать лет назад, когда Кай впервые остался один, он пытался задавать Хранителю вопросы о том, кто лежит в кристаллах.

— Там есть дети? — спросил он однажды, глядя на экран с перечнем кристаллов. — Мои ровесники?

«Возрастная категория „дети“ представлена 312 кристаллами. Самому младшему субъекту — 4 года».

— Что они будут делать, когда проснутся?

«Это зависит от состояния Земли на момент пробуждения. Согласно директиве, пробуждение произойдёт только тогда, когда уровень радиации снизится до безопасного, и появится устойчивая экосистема».

— А когда это случится?

Пауза. Хранитель просчитывал модели.

«По текущим расчётам — не ранее чем через 40 лет».

Кай кивнул. Сорок лет. Он будет стариком. А может, и не доживёт. Сервер гудел, кристаллы ждали, а Кай просто существовал в своём ритме, как шестерёнка в огромном механизме, который работал без остановки.

И это было нормально. В его мире «нормально» означало «тепло» и «тишина». Всё остальное — роскошь.

Он обходил комплекс утром, днём, вечером и ночью. Он знал, что если остановится, тишина сожрёт его. Поэтому он никогда не останавливался. Работа стала его религией, генераторы — его алтарём, а гул — его молитвой.

Всю ночь, глядя на алую точку на карте, Кай думал о том, что в мире появилось что-то новое. Что-то, что нарушило его идеальный, замкнутый круг.

Челнок упал в восьмидесяти километрах отсюда. Кто-то вернулся. Кто-то, кто был там, наверху, среди звёзд. И этот кто-то мог либо спасти всё, либо уничтожить.

Кай не знал, что было страшнее.

Под утро он встал, подошёл к шкафу и достал отцовский дробовик. Проверил затвор, пересчитал патроны. Потом вышел в коридор, чтобы проверить снегоход.

Завтра он поедет. Сегодня он должен быть готов.

— Хранитель, — сказал он, возвращаясь в командный центр. — Подготовь маршрут до точки падения. Возьми запас топлива, аптечку, еду и воду. Я отправляюсь на рассвете.

«Принято, Кай. Я подготовлю всё необходимое. Рекомендую взять с собой дополнительный аккумулятор для радиосвязи и тепловой излучатель».

— Сделай это.

«Я сделаю. И, Кай... будь осторожен».

Кай остановился, глядя в потолок, откуда доносился голос.

— Ты беспокоишься обо мне, старик?

ИИ замолчал. И когда он заговорил, в его голосе впервые за всё время Кай уловил нечто, похожее на эмоцию:

«Я не знаю, что такое беспокойство, Кай. Но я просчитал все вероятности, и одна из них мне не нравится».

Кай улыбнулся — впервые за много часов.

— Я тоже не знаю, что такое беспокойство. Но я чувствую его.

Он вышел из командного центра, и за его спиной замигали зелёные лампочки. Гул серверов был ровным, спокойным.

Завтра он отправится в путь.

Глава 3 «Чужой след»

Кай не спал. Он лежал на койке, глядя в потолок, и слушал гул серверов. Гул был ровным, спокойным, как всегда, но сегодня он не убаюкивал — он звучал тревожно, словно сердце комплекса билось чуть быстрее.

За окном, за бетонными стенами и слоем льда, стояла арктическая ночь. Но Кай знал, что через два часа начнёт светать.

Он сел, свесил ноги с койки и посидел так, сжимая пальцами край матраса. Сон не шёл — мысли метались, как звери в клетке. Челнок. Тело. Угроза. Они знают о кристаллах.

Кай встал, натянул комбинезон, застегнул молнию. Завтрак был быстрым — концентрат и вода, проглоченные на ходу. Он проверил рюкзак: аптечка, фляга с водой, сухие лепёшки, запасные патроны к дробовику. Всё на месте.

Он вышел в коридор и направился в оружейную комнату. Дверь открылась с противным скрипом — он давно не смазывал петли, всё руки не доходили. Внутри, на стальных стеллажах, лежало немного: ящик с патронами, две запасные фляги, походная аптечка, старый дробовик, который висел на стене. Кай снял его, проверил затвор — ствол был чистым, смазка свежей. Он зарядил дробовик, повесил на плечо рюкзак, сунул за пояс нож.

Командный центр встретил его тусклым светом экранов. Хранитель уже подготовил маршрут — карта мигала зелёной линией до красной точки.

— Хранитель, — сказал Кай, подходя к терминалу. — Я выезжаю. Если я не вернусь через двенадцать часов... ты знаешь, что делать.

Экран моргнул, и голос ИИ раздался из динамика:

«Я сохраню всё, Кай. И я буду ждать тебя».

Кай усмехнулся — коротко, без веселья. Машина ждала. Он привык к этому за годы одиночества.

— Присматривай за домом, старик.

Он повернулся и вышел через шлюз.

Мир за дверью был ледяным, безжалостным, ослепительно белым. Небо только начинало светлеть — бледная полоса на востоке, где солнце ещё пряталось за горизонтом. Мороз щипал кожу, ветер бил в лицо сухим снегом.

Кай завёл снегоход. Мотор взревел, разрывая тишину, и эхо разнеслось над пустыней. Он сел в седло, вдавил газ, и снежная взмёт встала за ним стеной.

Снегоход нёс его на юго-восток, туда, где лежала красная точка на карте. Путь был долгим — восемьдесят километров по замёрзшей земле, через холмы и замёрзшие русла рек. Кай мчался, и ветер выл в ушах, заглушая мысли.

Он проезжал мимо мест, которые знал с детства. Вот тот холм — они с отцом останавливались здесь, чтобы перекусить и проверить компас. Вот замёрзшая река — отец говорил, что когда-то она была широкой и синей. Кай не верил. Он не мог представить воду, которая не замерзает.

В голове всплывали воспоминания, как пузырьки из глубин.

Отец сидит на снегоходе, поправляет воротник куртки, курит самокрутку. Дым смешивается с паром от дыхания. Кай, подросток, стоит рядом, прислонившись к нагретому двигателю.

— Сын, — говорит отец, выпуская клуб дыма. — Если ты когда-нибудь уйдёшь дальше, чем на день пути, запомни: ориентируйся по ветру. Он всегда дует с востока. Пока он дует с востока, ты знаешь, где север. Если ветер переменится — жди метель. Понял?

— Понял, отец.

— И ещё. — Отец тушит самокрутку о бампер и прячет её в карман. — Если встретишь кого-то на этом льду, не верь ему сразу. Доверяй только тому, кто готов делить с тобой тепло. Люди, которые хотят твоего тепла, но не дают своего — беги от них.

Кай тряхнул головой, прогоняя воспоминание. Ветер переменился — теперь он дул с северо-запада. Значит, где-то близко метель. Кай прибавил газу.

На полпути он заметил на снегу странные следы. Не от животных — слишком глубокие, широкие. Следы от ног. Человеческих ног.

Кай сбавил скорость, остановился и заглушил двигатель. Тишина обрушилась на него, как удар. Он присел на корточки, разглядывая следы. Они вели на юг, туда же, куда ехал он. Следы были свежими — может, вчерашние или даже сегодняшние. Кто-то покинул челнок и пошёл пешком.

Кай выпрямился и посмотрел вперёд. Вдали, за холмом, он видел тёмный силуэт.

Челнок.

Он снова завёл мотор и двинулся дальше, держа дробовик наготове. Следы становились всё яснее, и Кай следил за ними, готовый в любой момент остановиться.

Но вокруг было пусто. Только снег, ветер и тишина.

Челнок лежал в небольшой ложбине между двух ледяных холмов, как огромное мёртвое насекомое. Он был серебристо-серым, но корпус был покрыт тёмными полосами — следы термозащиты, обгоревшие при входе в атмосферу. Одно крыло было отломано и торчало в снегу, как обломанный плавник. Из пробоины в боку сочилась маслянистая жидкость, замерзая на глазах и превращаясь в чёрные сосульки, свисавшие с металла.

Кай заглушил двигатель и вылез из седла. Тишина звенела в ушах. Он подошёл ближе, держа дробовик в руках, и смотрел на челнок, который лежал перед ним как вещь из другой жизни, из другого мира.

На корпусе, чуть выше люка, было выбито название. Кай остановился и прочитал его.

«Новый Горизонт».

Он знал это название. Отец показывал ему старые записи — последние новости, которые успели передать до того, как спутники замолчали. «Новый Горизонт» был ковчегом. Огромным кораблём, который улетел к звёздам, когда мир рухнул. Он вернулся.

Кай подошёл к люку. Тот был открыт, сорван с петель, и валялся в стороне, покрытый инеем. Внутри челнока было темно, и Кай зажёл фонарь, прикреплённый к ремню.

Он обошёл корабль, оставляя глубокие следы в снегу. И увидел тело.

Человек лежал в двадцати метрах от челнока, лицом вниз, засыпанный снегом почти до плеч. Кай осторожно подошёл, опустился на колени и перевернул его.

Чужое лицо — обмороженное, с открытыми глазами, смотревшими в небо. Возраст — около сорока лет. В руке зажат пистолет — необычный, с гладким корпусом, с синим свечением на затворе. Кай вытащил оружие из мёртвых пальцев. Пистолет был лёгким, непривычным, но пахло от него железом и озоном, как от молнии.

Кай обыскал тело. В кармане — нашивка с именем «Джек Рейнольдс». Фотография женщины с маленькой девочкой — они улыбались, стоя на фоне зелёного сада. Кай долго смотрел на это изображение, на эти улыбки, на зелень, которую он никогда не видел вживую. Он аккуратно убрал фотографию в карман комбинезона.

Он поднялся и направился к открытому люку челнока.

Внутри было тесно. Четыре кресла — два из них пустовали, одно было разбито и сложено гармошкой. В четвёртом кресле сидел человек.

Молодой парень, на вид не старше двадцати. Его лицо было белым, как мел, глаза открыты, на груди — тёмное пятно, которое расплзлось, несмотря на то что он прижимал к ране окровавленную ладонь. Парень дышал — едва слышно, прерывисто.

Кай опустился на колени рядом с ним.

— Эй, — сказал он, касаясь плеча парня. — Ты меня слышишь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.